

Завидовала ли она судьбе Драгоценной наложницы Ян?

Да, пожалуй.

Всю жизнь купаться в роскоши, быть вознесённой на вершину мира самим владыкой Поднебесной, забрать себе всю его любовь без остатка... Один её мимолётный взгляд рождает сотню чар, затмевая прелесть всех красавиц гарема. Одиноким всадник гнал коня, вздымая клубы дорожной пыли, лишь ради её улыбки, и никто не ведал, что везёт он свежие личи.

Но чему тут завидовать?

— «И нежные брови-бабочки гаснут под копытами коней... Осыпались на землю золотые заколки, яшмовые шпильки втоптаны в грязь, и никто их не подберёт. Владыка закрывает лицо руками, бессильный её спасти...» — Цзиньли горько усмехнулась, и слёзы наконец скатились по щекам. — Разве мужчины в этом мире любят красавиц? Нет. Больше всего на свете они любят бескрайние земли, абсолютную власть... и самих себя.

— Если бы он действительно любил её, разве позволил бы ей умереть в полном одиночестве на заброшенной Почтовой станции Мавэй?

— В любви положено делить одно ложе при жизни и ложиться в одну могилу после смерти. Только это можно назвать истинным счастьем... А те мятежники и предатели, что обрекли её на казнь и довели до гибели самого императора, заслуживают лишь вечного позора и проклятий потомков!

Цзиньли тяжело вздохнула, сглатывая подступивший к горлу комок:

— Каждому суждено умереть лишь раз. Так какая разница, что за потоп разразится после?!

— Вот только...

— ...вся любовь великой фаворитки так и не перевесила страх императора за собственную жизнь.

Сы Вэй молчал. Помедлив, он достал из-за пазухи платок и протянул его девушке.

Цзиньли взяла его, прижала к лицу, и когда заговорила вновь, её голос звучал почти как обычно:

— Грустная, но красивая история... Ладно. Я должна была показать тебе танец для Банкета в канун Нового года, а ты вдруг заводишь такие разговоры. Наверняка ведь неспроста. Малыш, будешь слишком много умничать — не вырастешь. Ну, выкладывай, чего ты задумал?

Сы Вэй поджал губы и негромко произнёс:

— Наложница Ян была одарённым музыкантом и танцовщицей, виртуозно играла на пипе — в этом вы с ней очень похожи. Увы, от великой «Песни о радужной одежде и перьях», которую они сочинили вместе с императором, до наших дней дошли лишь одни предания.

Мальчик поднял глаза, встретившись с ещё влажным взглядом Цзиньли:

— Я вовсе не прошу вас воссоздавать величие той эпохи. Мне лишь хочется узнать: согласитесь ли вы примерить на себя её образ? Станцевать «Драгоценную наложницу во хмелю»?

Девушка удивлённо приподняла брови:

— Наложницу во хмелю?

Сы Вэй кивнул:

— Хоть император и души не чаял в своей фаворитке, она была в гареме не единственной. Однажды наложница Ян приготовила пир и ждала его к ужину. Но государь предпочёл отправиться в Западный павильон Изумрудного великолепия к наложнице Мэй, прослышав про её новые стихи, и даже пожаловал сопернице драгоценный кубок, полный жемчуга. Узнав об этом, покинутая красавица осталась в павильоне ста цветов одна. Ждала, пока не иссякло терпение, а затем в тоске и обиде напилась допьяна и, терзаемая ревностью, вернулась в свои покои. Этот сюжет и называют «Драгоценная наложница во хмелю». Говорят, именно из-за этой выходки и устроенной сцены ревности император разгневался и сослал её прочь из дворца, обратно в родительский дом.

Цзиньли ошеломлённо замерла, а затем презрительно фыркнула:

— А я-то думала... Думала, их любовь была священной. Оказывается, за красивым фасадом скрывалась обычная фальшь. Все мужчины в этом мире ветрены и неблагодарны. Похоже, удержать их преданность можно лишь одним способом — умереть в самый пик их страсти, чтобы запечатлеть это мимолётное чувство навечно. Говорят, женскую душу трудно понять, но куда ей до мужского вероломства.

Сначала рассказ о гибели на Почтовой станции Мавэй, затем — об измене государя... Цзиньли, прожившая столько лет в Башне Весенней реки, насмотрелась на предательство мужчин сполна. Сы Вэй не знал, легко ли приняла смерть великая наложница прошлого, но видел, как сейчас в душе Цзиньли клокочет глухая обида и горечь за всех женщин мира.

Её резкие слова — от горестного «Если бы он любил, разве оставил бы её одну на растерзание?» до решительного «Каждому суждено умереть лишь раз, так какая разница, что за потоп разразится после?!» — выдавали её истинную натуру.

Сы Вэй мысленно вздохнул. Обладай Цзиньли иной судьбой, не окажись она запертой в этом вертепе порока, из неё наверняка выросла бы новая Чжоу Вэньцзюнь. Сильная, страстная, способная на глубокие чувства и жестокую решимость, но при этом видящая людей насквозь.

Сы Вэй поднялся и мягко коснулся плеча девушки:

— Век женщин полон слез, мужей сердца изменчивы... Теперь вы знаете судьбу наложницы Ян во всех подробностях. Так почему бы вам не сотворить танец по мотивам её хмельной печали? Все эти годы в Башне вы танцевали, чтобы улаживать чужие взоры. Но близится час вашего ухода. Почему бы не забыться в этом пьяном угаре и не выплеснуть всю душу в безумном, отчаянном танце — станцевать наконец для самой себя?

Если уж устраивать прощальное представление, незачем повторять прежние движения, нагоняя тоску и холод на Банкете в канун Нового года.

Цзиньли долго молчала, но вдруг тихо, облегчённо рассмеялась:

— А ведь ты прав. Наша жизнь соткана из запретов и долга. И раз уж мне не суждено обрести желаемое наяву, неужели нельзя хотя бы помечтать об этом в танце?

Её улыбка стала на удивление лёгкой и беззаботной:

— Под эти финальные аккорды я покину сцену навсегда. Глупо уходить, унося в сердце груз несбывшихся надежд...

Она шутливо опустила ладонь на макушку Сы Вэя, используя его плечо как опору, легко поднялась и, едва касаясь носками туфель деревянного пола, скользнула в сторону. Сделав изящный пируэт, она вернулась с пипой в руках — той самой, которую недавно оставила здесь Цинлу.

Пальцы пробежали по струнам, рассыпав звонкую трель. Когда Цзиньли подняла голову, в её глазах горел совсем иной, яростный огонь:

— Да, пусть будет хмельной угар! Станцеем же под него всю горечь и радость человеческой доли!

Цзиньли улыбнулась и закрыла глаза, погружаясь в свои мысли. Вскоре под сводами Павильона Туманов зазвучали первые, ещё несмелые аккорды. Музыка то лилась ровным потоком, то внезапно обрывалась, то ласкала слух, то казалась резкой и хаотичной. Но в тонкой фигуре девушки, сидевшей теперь на кушетке с прямой, как струна, спиной, больше не осталось и следа прежней ленивой апатии и равнодушия к миру.

Убедившись, что Цзиньли полностью ушла в творчество, Сы Вэй с облегчением выдохнул. Он

подошёл к столику у окна и развязал небольшой узелок, который вчера принесла Цинлу.

Содержимое было скромным и хаотичным: пара лоскутов тонкого холста размером со свадебное покрывало, две шкатулки шириной в ладонь, ступка с пестиком, сплетённая из бамбуковых веток ложечка и ворох крошечных глиняных баночек размером с голубиное яйцо. Эти сосуды с плоскими крышками, похожие на чайницы, ему раздобыла закупщица из Башни Весенней реки, госпожа Лю.

Приоткрыв крышки, мальчик обнаружил внутри белила и румяна самых разных оттенков. Раньше Сы Вэй полагал, будто арсенал древних красавиц ограничивается лишь сурьмой для бровей да простейшими притираниями. Однако вчерашний разговор с Цинлу открыл ему глаза на то, сколько тонкостей скрывает в себе это искусство.

Местные пудры именовались «сухими румянами» и делились на множество сортов. Самым дешёвым и доступным средством, к примеру, была обычная рисовая пудра — именно её баночку Сы Вэй держал в руках.

Технология её изготовления была проста: просо долго вымачивали, перетирали в жидкую кашу, процеживали, сушили до состояния плотной плитки, а затем, соскоблив грязную корку, измельчали в тончайшую пыль и просеивали. Полученный порошок давал мертвенно-белый цвет и стоил гроши, но имел один существенный изъян — он совершенно не держался на коже.

Сортом повыше шли белила с добавлением свинцового порошка. Именно из-за его использования в языке закрепилось образное выражение «смыть свинец и сурьму», означавшее отказ от прикрас. Свинец подмешивали ради того, чтобы пудра ложилась ровным слоем и не осыпалась при первом движении.

В самые же дорогие пудры добавляли перламутр, бобовую муку и тальк. Стоили они недёшево, а ценились за то, что отчасти нейтрализовали ядовитые свойства свинца, сберегая кожу от преждевременного увядания.

Сы Вэй только покачал головой.

Он открывал баночку за баночкой. Перед ним выстроилась палитра оттенков: от чистейшего белого до нежного цвета весеннего персика и сочного пурпура лотосовых лепестков. Около десятка сосудов красовались на столе, но, несмотря на плавность переходов, все они оставались заложниками своего главного сырья — сафлора, не в силах вырваться за пределы розовато-красной гаммы.

Сы Вэй надолго задумался. В прошлой жизни он был фотографом, а не гримёром. Его сила заключалась в понимании того, как свет взаимодействует с цветом, как подчеркнуть нужную эмоцию в кадре и заставить модель оживить своим присутствием снимок. Он умел выстраивать композицию, управлять игрой теней и корректировать несовершенства... В крайнем случае на помощь всегда приходила компьютерная ретушь.

Но здесь спасительного фотошопа не было. Ему предстояло создать образ, который должен выдержать испытание живым выступлением, без права на ошибку и второй дубль.

Всё должно было работать как единый механизм: пластика Цзиньли, её наряд, грим, сценическое освещение и общая атмосфера в зале. Профессиональный фотограф без труда справился бы с обязанностями режиссёра и осветителя, но превратиться в искусного визажиста без привычных инструментов — задача почти невыполнимая.

Где взять хайлайтер? Консилер? Плотный тональный крем?

К тому же банкет в канун Нового года начнётся поздно вечером. Зал Башни Весенней реки утонет в полумраке, и направить свет масляных ламп так, как нужно, не получится. Как в таких условиях проработать рельеф лица? Если положить грим слишком тонко, издали зрители увидят лишь невнятное блёклое пятно. Если переборщить — колеблющееся пламя свечей подчеркнёт каждую крупину пудры, превратив прекрасную наложницу в жуткого призрака из дешёвого балагана.

Будь сцена ярко освещена, возникли бы другие проблемы: без крупных планов черты лица просто размылись бы на расстоянии. Впрочем, глупо переживать о чрезмерной яркости там, где источником света служат лишь фитили в плошках с маслом. В прежние времена, даже если бы его насильно заставили красить модель, под рукой всегда оставался сундук с профессиональной косметикой. Здесь же не было ничего.

Сы Вэй со вздохом отодвинул баночки в сторону. Одно дело — держать в голове блестящие теории о композиции и световых схемах, и совсем другое — наносить эти грубые, осыпавшиеся пудры на лицо живого человека. Без намёка на нужные оттенки и кисти.

Тут он был бессилён. Это ему не под силу.

<http://bllate.org/book/18280/1758965>